

Загоскин Михаил Николаевич

**Русские в начале восемнадцатого
столетия**

**Рассказ из времен единодержавия
Петра Первого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Русские в начале восемнадцатого столетия: Рассказ из времен единодержавия Петра
Первого / Загоскин Михаил Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 308 с.

ISBN 978-5-519-85457-3

ISBN 978-5-519-85457-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Прежде, чѣмъ я приступлю къ разсказу, мнѣ должно поговорить съ моими читателями о положеніи, въ которомъ находилась Россія въ эпоху, избранную мною для этой повѣсти.

Послѣдній стрѣлецкій бунтъ, вспыхнувшій во время отсутствія царя Петра Алексѣевича, имѣлъ гибельныя послѣдствія для этого своевольнаго и мятежнаго войска: главные зачинщики и участники мятежа были казнены, а остальные сосланы въ Сибирь, расселены по отдаленнымъ городамъ, и стрѣлецкая рать, нѣкогда знаменитая, исчезла навсегда съ лица земли Русской. Въстѣ съ прекращеніемъ политическаго существованія этихъ русскихъ янычаръ, уничтожилось и пагубное вліяніе на умы властолюбивой царевны Софьи Алексѣевны. Шведскій король Карлъ XII, разбитый на-голову близъ Полтавы, едва могъ спастись отъ плѣна, убѣжавъ въ пограничный городъ Бендеры. Вся армія его была истреблена, и на берегахъ Невы нашимъ рабочимъ людямъ помогали шведскіе солдаты сооружать, на ихъ же собственной землѣ, вторую столицу царства Русскаго. Рига, Ревель и вся Лифляндія признавали надъ собою верховную власть Государя Петра Алексѣевича; Польша, исполняя его волю, при-

звала снова на царство изгнаннаго ею короля Августа II-го. Предатель Мазепа убѣждалъ съ Карломъ XII-мъ въ Бендеры; почти все малороссійскіе православные казаки отступились отъ своего, опозореннаго измѣною и заклеимленнаго церковнымъ проклятіемъ, гетмана. Однимъ словомъ, изъ всехъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Россіи, вредящихъ ея возвышенію, устройству и возрастающей силѣ, оставался одинъ только врагъ, но самый упорный. Этотъ врагъ была почти общая, безотчетная привязанность русскихъ ко всемъ древнимъ обычаямъ и предразсудкамъ старины. Слѣдствіемъ этой слѣпой привязанности были: неподвижность, презрѣніе ко всему иноземному, невѣжественная спесь и закоренѣлое упрямство, всегда враждебное всемъ переменамъ и улучшеніямъ, если они хотя нѣсколько противорѣчатъ существующимъ обычаямъ, иногда совершенно нелѣпымъ, но которые обыкновенно оправдываются извѣстнымъ изреченіемъ: „такъ, дескать, искони важивалось—въ старину бывало, а стариковъ умнѣй не будешь“. Одна самодержавная воля великаго Петра могла осилить этого послѣдняго врага и заставить русскихъ, хотя нехотя, а все-таки перешагнуть черезъ завѣтный рубежъ, который отдѣлялъ ихъ такъ долго отъ всехъ другихъ народовъ Европы. Все покорилось этой могучей, непреклонной волѣ; она возбуждала иногда боязливый ропотъ спесивыхъ бояръ, упрямыхъ гражданъ, суевѣрной черни; но давно уже не встрѣчала нигдѣ явнаго сопротивленія. Люди, приверженные къ стариннымъ обычаямъ, отстаивали ихъ съ жаромъ въ своихъ семейныхъ кругахъ—осуждали шопотомъ указы царскіе, возставали втихомолку противъ нововведеній, называли ихъ богопротивными. Но никто не смѣлъ говорить объ этомъ вслухъ: времена мятежей прошли; Петръ Алексѣевичъ былъ уже не вторымъ царемъ Русскимъ, а государемъ единодержавнымъ; не юношей неопытнымъ, но знаменитымъ побѣдителемъ Карла XII-го—

этого вѣнчаннаго богатыря, передъ которымъ нѣкогда трепетала вся Европа. Несмотря, однакожъ, на это, по-видимому, спокойное состояніе Россіи, нельзя было не замѣтить, что въ ней происходило что-то необычайное: этотъ домашній ропоть, который тихо разливался въ народѣ; это тревожное ожиданіе какихъ-то новыхъ и небывалыхъ переменъ волновало всѣ умы, и даже люди дальновидные и умные, начинавшіе уже понимать, чего желаетъ государь Петръ Алексѣевичъ, шептали про себя, покачивая головами: „Дѣло-то дѣло, да крутенько онъ, батюшка нашъ, за него принимается“. И надобно сказать правду: мы едва ли можемъ осуждать многихъ изъ современниковъ Петра Великаго за то, что они, если не дѣломъ, такъ мыслію грѣшили, осуждая непонятныя для нихъ дѣйствія этого необъятнаго, всеобъемлющаго генія, котораго и мы, вкусившіе уже отъ плодовъ, имъ посѣянныхъ, не можемъ еще вполне оцѣнить.

Въ 1711 году, въ одну темную февральскую ночь, шагахъ въ двухстахъ отъ серпуховской дороги, въ богатомъ и большомъ селѣ Вздвиженскомъ свѣтился огонекъ; его трудно было замѣтить проѣзжимъ людямъ, потому что погода была бурная; снѣгъ валилъ хлопьями, и сильный вѣтеръ съ метелицею бушевалъ въ чистомъ полѣ. Этотъ огонекъ свѣтился въ бревенчатомъ, крытомъ соломою, господскомъ домѣ, въ которомъ жилъ помѣщикъ, или, вѣрнѣе сказать, *отчинникъ* села Вздвиженскаго, окольничій Максимъ Петровичъ Прокудинъ. Чтобъ провести какъ-нибудь время до ужина, Максимъ Петровичъ, пріютясь въ самомъ тепломъ покоѣ своихъ барскихъ хоромъ, изволилъ забавляться въ шашки съ любимымъ своимъ челядинцемъ и дворецкимъ, Прокофьемъ Кулагою. Максимъ Петровичъ сидѣлъ въ обитыхъ кожею широкихъ и спокойныхъ креслахъ; дво-

рецкій лѣпился кос-какъ на узенькой скамеечкѣ. Баринъ былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, дородный и видный собою, довольно пріятной наружности, съ окладистою темнорусою бородою, которая, впрочемъ, начинала уже мѣстами серебриться. Онъ былъ одѣтъ по-домашнему, въ цвѣтной шелковой рубашкѣ съ косымъ воротомъ и покрытомъ узорчатою камкою калмыцкомъ тулупѣ нараспашку. Дворецкій былъ также человѣкъ немолодой, съ широкимъ рябымъ лицомъ, рѣденькою бородкою и огромнымъ краснымъ носомъ. Сверхъ суконнаго кафтана съ козыремъ, на немъ надѣта была за-тасканная шелковая фѣрязь съ оборванными петлицами, которую онъ только-что удостоился получить съ барскаго плеча за свою усердную и вѣрную службу. У дверей покоя дремалъ, прислонясь къ стѣнѣ, длинный, неуклюжій дѣтина въ смуромъ кафтанѣ; онъ держалъ въ рукѣ жестяные щипцы, въ родѣ тѣхъ, которые и теперь еще употребляются по церквамъ; слѣдовательно, нетрудно было отгадать, что главное занятіе этого парня состояло въ томъ, чтобъ снимать съ двухъ сальныхъ огарковъ, которыми освѣщалась вся комната.

— Ну, что жъ ты, Кулага? — сказалъ Максимъ Петровичъ, взглянувъ съ довольнымъ видомъ на своего дворецкаго. — Или пришло втупикъ, что некуда ступить? Да полно, братецъ, — ходи какъ-нибудь!

— А вотъ пойдемъ, батюшка, — промолвилъ дворецкій, подвигая впередъ шашку.

— Такъ ты вотъ какъ... хорошо!.. А мы вотъ этакъ!.. Что, братъ, опять призадумался?

— Призадумался, батюшка, — прошепталъ Прокофію, почесывая затылокъ: — дѣло-то плоховато!.. Вишь она куда, озорница, — въ доведи лѣзетъ!.. Нечего дѣлать, пойду такъ.

— А я такъ... Фу, батюшки! — промолвилъ Максимъ

Петровичъ, посматривая на окна: — что это на дворъ-то?..
Господи, Боже мой!

— Да, сударь, разыгралась погодка!

— То-то, чай, теперь въ полѣ свѣту представленье:
и снѣгъ и метель; а морозъ-то самъ по себѣ... Ну,
что жъ ты пошелъ, что ль?

— Пошелъ, батюшка.

— И я пошелъ... Чу, слышишь, какъ воетъ вѣтеръ?..
Охъ, дорожнымъ-то людямъ теперь... помилуй Господи!

— Истинно такъ, батюшка Максимъ Петровичъ,—
бѣдовое дѣло!.. Собьешься съ дороги, заѣдешь въ суг-
робъ, да коли одёжонка-то плохая, такъ читай себѣ
отходную... Изволилъ ступить?

— Ступилъ.

— А коли ступилъ, такъ, не прогнѣвайся, батюшка,—
фукъ!..

— Какъ такъ?.. Пстой, пстой!.. За что ты взялъ
мою шашку?

— Не взялъ, сударь, а фукнулъ.

— За что?

— За то, чтобъ она брала, коли ей приходится брать.
Вотъ я двинулъ сюда мою шашку, а твоя стояла
здѣсь,—такъ ей приходилось брать назадъ.

— Такъ, такъ!.. Ну, нечего дѣлать,—прозѣвалъ!.. А
игра-то была какая богатая!.. Да пстой, любезный!
Хоть ты у меня и фукнулъ шашку, а я все-таки прежде
твоего въ доведяхъ буду... Вотъ мы этакъ... Пошла!

— А мы, сударь, вотъ эту тронемъ.

— Трогай себѣ, трогай... а ужъ на выручки не по-
спѣешь... Пошла дура!

— Изволилъ ступить?

— Ступилъ, братецъ!

— Такъ не прогнѣвайся, батюшка,—фукъ!

— Какъ?.. Еще?.. Тѣфу ты пропасть какая!.. Да
что это у меня глаза-то въ затылкѣ, что ль?.. Нѣтъ, не

могу играть: не то въ головѣ... Стенка!.. Смотри - ка, Прокофій, смотри: стоя спать!.. Эй, ты, болванъ!

Дѣтина, который дремалъ, прислонясь къ стѣнѣ, вздрогнулъ и кинулся, какъ шальной, къ столу, чтобъ снять со свѣчей!

— Тише ты, дурачина! — закричалъ Максимъ Петровичъ. — Что ты бѣльмы-то выпучилъ, да лѣзешь словно угорѣлый какой?.. Полно, полно... погасишь!.. Ну, такъ и есть!.. Эка уродина, подумаешь... а ужъ борода растеть!

— Да что ему борода, батюшка, — прервалъ дворецкій, — у него борода-то выросла, да ума не вынесла. Я ужъ тебѣ докладывалъ: что его держать во дворѣ, онъ и въ пастухи-то наврядъ годится.

— Эхъ, Прокофій, стыдно, братъ!.. Ну, кто говорить: сына не за что и хлѣбомъ кормить, да отецъ-то служилъ мнѣ тридцать лѣтъ вѣрою и правдою... Эй, ты, простофиля, пойдѣ, скажи... Да нѣтъ, — переврешь, дуракъ!.. Пошли Андрюшку.

Черезъ полминуты вошелъ въ комнату здоровый и рослый дѣтина лѣтъ тридцати; все платье его было въ снѣгу.

— Что ты это, братецъ? — спросилъ Максимъ Петровичъ. — Иль валялся по снѣгу?

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчалъ слуга: — я ходилъ сейчасъ на погребъ.

— И тебя этакъ занесло?.. Ну, видно, погодка!

— Не приведи Господи, батюшка: и снизу и сверху мететь.

— Темно?

— Зги Божьей не видно.

— И холодно?

— Холодновато, батюшка, — сильно морозить.

— Ну, худо дѣло!.. Отъ нашего села вплоть до самаго Шаропова вовсе жилья нѣтъ.

— Да, Максимъ Петровичъ, по большой дорогѣ нѣтъ.

— Вотъ то-то и дѣло: долго ли до грѣха! Вѣдь на прошлой недѣлѣ подняли же проѣзжаго мужичка, — замерзъ, бѣдняга; и добро бы еще въ полѣ, а то у насъ на задахъ. Послушай, Андрюшка, возьми съ собою кого-нибудь, ступайте за околицу, да поближе къ большой дорогѣ разведите огонь.

— Слушаю, батюшка!.. Только вѣтеръ - то больно силенъ...

— И, полно, братецъ!.. Вязанки двѣ сухихъ березовыхъ дровъ, да лучины побольше... а огонь донесете въ фонарь!.. Ступай!.. Этакъ будетъ лучше, — продолжалъ Максимъ Петровичъ:—на огонекъ-то всякій поѣдетъ.

— Да, сударь,—сказалъ дворецкій,—коли лошадки не вовсе еще изъ мочи выбились. Чай, теперь и большую дорогу занесло сугробами, такъ цѣликомъ-то далеко не уйдешь. И то сказать: кого нелегкая понесетъ въ такую непогодь! вѣдь метель-то началась еще за свѣтло.

— Ну, Прокофій, не говори! русскій человѣкъ на томъ стоитъ,—ему все трынть-трава! Куда нѣмецъ носа не покажетъ, а онъ туда ломить себѣ наудалую: авось, дескать, проѣду.—Господь пронесетъ!

— Да, сударь, что правда, то правда. И я, бывало, въ старину хаживалъ чрезъ Оку по вешнему льду; изъ-подъ ногъ вода брызжетъ, а тебѣ и горюшка мало. Что, дескать, въ самомъ дѣлѣ: двухъ смертей не бывать!.. Что жъ, батюшка: вѣдь мы еще игру то не кончили,—прикажешь?

— Нѣтъ, Прокофій, будетъ; ужъ я тебѣ говорилъ: не то на умѣ.

— Ну, какъ изволишь! — сказалъ дворецкій, вставая.—Да не погнѣвайся, батюшка, — промолвилъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени, — дозволю спросить, что

это тебя такъ тревожитъ!.. Вотъ ты другой день все какъ будто бы задумываешься... Или эта грамотка, что прислалъ къ тебѣ вчера съ ходокомъ изъ Москвы пріятель твой, Лаврентій Никитичъ Рокотовъ...

— Да, — прервалъ Максимъ Петровичъ, — хорошія получилъ я отъ него вѣсточки, — есть чему порадоваться!..

— А что такое, батюшка?

— Худо, братъ Прокофій, больно худо!.. Мы здѣсь живемъ въ глуши, у насъ все попрежнему: тишь да гладь, да Божья благодать. А кабы ты зналъ, что на Москвѣ-то дѣлается!..

— А что, сударь?.. Неужели опять стрѣльцы завозились?

— Вотъ до глухого вѣсти дошли! стрѣльцы!.. Да объ этихъ мятежникахъ давно и рѣчи нѣтъ. Мы и прежняго-то срама не переживемъ... Помилуй, братецъ, кто нынче станетъ бунтовать противъ помазанника Божія?..

— Такъ что жъ, батюшка? ужъ не шведъ ли опять поднялся на святую Русь?

— Куда ему!.. И король-то ихъ безъ вѣсти пропалъ; говорятъ, въ плѣну у турскаго салтана.

— Такъ все ли здорово въ Москвѣ?.. Не моръ ли, батюшка?..

— Что моръ: Господь казнить, Господь и помилуетъ; а тамъ, глядишь, опять пойдутъ времена благодатныя.

— Да что жъ такое, сударь?..

— А вотъ что, любезный, — продолжалъ Максимъ Петровичъ, понизивъ голосъ. — Миѣ пишетъ Лаврентій Никитичъ, что нашъ православный государь... охъ, страшно вымолвить!.. Нашъ батюшка царь, Петръ Алексѣичъ... совсѣмъ онѣмечился.

— Что ты говоришь, батюшка! — вскричалъ Прокофій. — Съ нами сила крестная!.. Да какъ это можетъ быть?

— Да, любезный! Онъ такія дѣла затѣваетъ, что

не приведи Господи!.. Хочетъ, чтобъ мы перенимали все у нѣмцевъ.

— У нѣмцевъ?.. Вотъ еще!.. Что намъ у этихъ еретиковъ перенимать!.. Да давно ли этихъ поскудныхъ нѣмцевъ и въ царскихъ-то указахъ позорнымъ именемъ называли?..

— Вотъ то-то и есть!.. А теперь посылаютъ боярскихъ дѣтей въ еретическія земли учиться нѣмецкимъ обычаямъ, хотятъ насъ нарядить въ разнополые нѣмецкіе кафтаны... обрить бороды...

— Обрить бороды! — воскликнулъ Прокофій.— Нѣтъ, батюшка, ужъ этого-то никакъ нельзя! Вѣдь мы православные, а не басурманы какіе!

— Ну вотъ, почи ты!..

— Да я хоть сейчасъ голову на плаху!.. Господи Боже мой! и что это нашему батюшкѣ Петру Алексѣевичу дались эти нѣмцы?.. Что они обошли, что-ль, его?

— Эхъ, Прокофій: лиха бѣда поддаться демонской прелести, а тамъ все пойдетъ какъ по маслу! Вотъ кабы государь не изволилъ ѣздить за море, такъ ничего бы не было, все осталось бы по-прежнему; а теперь, какъ онъ набрался нѣмецкаго духа, такъ и слышать ничего не хочетъ. Да ужъ пускай бы помаленьку, не торопясь,—мы бы, старики, свой вѣкъ отжили, а тамъ, что Богъ велитъ!.. Ну, можетъ статья, и въ самомъ дѣлѣ есть что перенять у нѣмцевъ... Вотъ, примѣромъ сказать, хитрость ратную, корабельное плаваніе—то, другое; да это бы полегоньку, исподволь... а то вынь да положи!.. Вчера нашъ братъ, русскій, и якшались съ нѣмцемъ не хотѣлъ, а сегодня ступай къ нему подъ началь... Ну, да что объ этомъ: выше лба уши не растутъ. И кабы мнѣ не было надобности ѣхать въ Москву, такъ я бы рукой махнулъ...

— А развѣ ты, батюшка, въ Москву собираешься?..

— Что-жъ дѣлать, братецъ: и не хочешь, да ѣдешь.

Ты знаешь, что я мою племянницу, Ольгу, люблю какъ дочь родную.

— Какъ не знать, батюшка!.. Да и кого же тебѣ любить? Она сиротка, выросла на твоихъ рукахъ, а у тебя отъ покойной твоей сожительницы дѣтокъ не осталось. Да вѣдь ты изволилъ говорить, что Ольга Дмитриевна по веснѣ сама къ намъ сюда пожалуетъ.

— Нѣтъ, братъ, до весны-то далеко, а я теперь ее въ Москвѣ у моей дуры сестры ни за что не оставляю. То-то бабы-то, подумаешь! Подлинно, правда, что у нихъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ. „Отпусти, дескать, батюшка братецъ, племянницу ко мнѣ погостить: вѣдь она у тебя живетъ въ захолустѣхъ, свѣту Божьему не видать!“ Вотъ тебѣ и отпустилъ!

— Такъ что-жъ, сударь?.. Вѣдь сестрица твоя, Аграфена Петровна...

— Да, была когда-то баба путная—русская барыня; а теперь хуже всякой нѣмки стала.

— Какъ такъ?

— А вотъ достань-ка тамъ за образами грамотку Лаврентія Никитича, — я тебѣ прочту, что онъ о ней пишетъ.

Прокофій вынулъ изъ-за образовъ довольно толстый свитокъ и подалъ своему господину.

— Сначала-то, — сказалъ Максимъ Петровичъ, развертывая длинный столбецъ, — Лаврентій Никитичъ пишетъ ко мнѣ о пріѣздѣ Государя Петра Алексѣевича въ Москву, о новыхъ указахъ царскихъ, о посылкѣ дворянскихъ дѣтей въ Нѣмецкину, о шутовскомъ нѣмецкомъ нарядѣ; а вотъ здѣсь... нѣтъ... это онъ пишетъ о своей меньшей дочери... вотъ что: „Крестница твоя, Максимъ Петровичъ, Катюшка, премного тебѣ челомъ бьетъ и твоего отеческаго благословенья проситъ. Она будетъ у насъ большая грамотница; доучиваетъ теперь заутреню; а напрежъ сего училъ Катюшку Макарка,